

Е. А. САМОДЕЛОВА
(Москва)

**РОЛЬ СКАЗОЧНОГО
СОБРАНИЯ А. Н. АФАНАСЬЕВА
В ЛИТЕРАТУРНОЙ ОБРАБОТКЕ
А. Н. ТОЛСТЫМ РУССКИХ
НАРОДНЫХ СКАЗОК
(текстологические разыскания)**

Аннотация. В статье рассматривается процесс подготовки А. Н. Толстым сборников сказок для детей и проводится текстологическое исследование его архивов, при котором выявляется обращение писателя к сказочному собранию А. Н. Афанасьева.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, А. Н. Афанасьев, сказка, текстология.

В конце жизни Толстой подготовил два больших сборника для детей: «Русские сказки» (1940) и «Русские народные сказки» (1944), всего 57 сказок с предисловием и присказкой. Это был итог его деятельности как депутата Верховного Совета СССР. Путь к литературной обработке сказок оказался длинным.

Можно предположить начало знакомства Толстого со сказочными сборниками А. Н. Афанасьева уже в детстве. Однако пристальное прочтение и, более того, внимательное изучение сказочного собрания А. Н. Афанасьева впервые потребовалось Толстому во время работы над авторскими сказками, вошедшими в его сборник «Сорочьи сказки» (1910).

Писатель взял с собой в поездку во Францию в 1908 г. сказочные сборники А. Н. Афанасьева — об этом свидетельствует его вторая жена С. И. Дымшиц-Толстая: «Мы приехали в Париж с чисто “творческим багажом”: я — со своими холстами, Алексей Николаевич — с небольшой библиотекой, в которой его особенно интересовали собрания русских сказок, в частности, любимое им афанасьевское собрание» [Воспоминания 1982, 55—56].

Речь могла идти о первом издании сказок А. Н. Афанасьева 1855—1863 гг.

в 8 выпусках или, более вероятно, о втором (посмертном) издании 1873 г. в 4 томах.

В Советской России дореволюционное сказочное собрание А. Н. Афанасьева считалось авторитетным. Так, редакция журнала «На путях к новой школе» советовала: «Надо вооружиться шестью томами сказок Афанасьева, вооружиться правильным подходом к народной сказке — и отобрать действительно ценное» [На путях к новой школе 1924, 13]. Показательно, что этот вопрос был вновь поставлен во второй половине 1930-х годов ленинградскими фольклористами вместе с Толстым.

Спустя 15 лет, уже из Германии на Родину Толстой доставил новое издание русских народных сказок А. Н. Афанасьева, опубликованное русским книгоиздательством за рубежом. В личной библиотеке писателя в Москве, на ул. Спиридоновка, д. 2/6, сохранилась привезенная из эмиграции книга А. Н. Афанасьева «Народные русские сказки и легенды» (Т. 1, 1922) с дарственной надписью А. Ф. Левиса оф Менара: «А. Н. Толстому от издателя. 2/XII-22» [Афанасьев 1922].

В берлинском издании сборника А. Н. Афанасьева (1922) простым карандашом Толстым выполнено около двух десятков помет на разных страницах, в «Оглавлении» отмечено 14 номеров сказок. Там же подчеркнута «свинья вострорылая» и написано «старый человек» и «а стали они жить-поживать да горе забывать».

Эта книга представляет собой библиографическую редкость. В примечаниях знатока сказок В. Я. Проппа к «Народным русским сказкам А. Н. Афанасьева в трех томах» (М., 1957) берлинское издание 1922 г. не учтено, хотя известный фольклорист перечисляет все переиздания афанасьевского сказочного собрания [Афанасьев 1957, т. 1, 463—464]. Безусловно, для Толстого данное фольклорное собрание А. Н. Афанасьева оказалось приятным подарком и рабочим экземпляром для собственной работы над сказками, а также служило ему напоминанием о культурной среде берлинско-парижской эмиграции 1918—1923 гг.

В личной библиотеке Толстого (Музей-квартира А. Н. Толстого в Москве) сохранилось и следующее переиздание сборника 1936—1940 гг. — «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах» [Афанасьев 1936—1940], а именно 2 первых тома из трех. На них нет дарственных надписей, однако они сыграли большую роль в реализации замысла Толстого по литературной обработке народных сказок. Как и предыдущая книга, данное издание стало рабочим экземпляром писателя, содержащим несколько его записей на полях и множество карандашных помет.

В этом издании писателя привлекла вступительная статья Ю. М. Соколова «Жизнь и научная деятельность Александра Николаевича Афанасьева» (1936, т. 1). А. Н. Толстой нашел созвучие исторических моментов отмены крепостного права и строительства социализма всеобщей коллективизации во фрагменте Ю. М. Соколова на с. X (отчеркнуто простым карандашом по левому полю): «Трудно указать какую-либо другую эпоху, равную ей по интенсивной собирательской деятельности фольклористов, что было непосредственно обусловлено интенсивностью общественного интереса к крестьянскому устно-поэтическому творчеству, в конечном же счете — остротой крестьянского вопроса в ту эпоху».

Секретарь писателя Ю. А. Крестинский сообщил об особенностях распорядка дня Толстого и нюансах его работы с подготовительными материалами: «Вечером Алексей Николаевич читал или текущую беллетристику, или же материалы для своей работы. Во время чтения он подчеркивал те места, которые могли быть использованы им, ставил на полях крестики и кружочки, оставлял закладки из полос бумаги» [Крестинский 1960, 270—272].

Сравнению роли известного издателя сказок и намеченной собственной редакторской деятельности Толстого отвечало обозначенное им галочкой рассуждение Ю. М. Соколова на той же странице: «Естественно возникают вопросы, из каких социальных источников выросла у Афанасьева страсть к фольклору, какими целями он руководился

в своей собирательской и исследова-

тельской работе, каких теоретических и методических принципов он держался, какие пути прокладывал он в науке, в чем оказался прав перед судом истории, в чем ошибался, каков общий результат его научной деятельности, — а в связи со всем этим не может не возникнуть вопрос, каков был духовный облик Афанасьева и как этот облик постепенно складывался» [Афанасьев 1936—1940, т. 1, X]. Суждения Толстого о необходимости тщательного отбора сказочных сюжетов, суммарной обработки наибольшего числа зафиксированных текстов с единой сюжетной линией, особой стилистики изложения станут постоянными в его устных выступлениях, появятся в печати и будут отражены в разных редакциях «Предисловия» к собраниям сказок в 1938—1944 гг. В рассматриваемой книге А. Н. Афанасьева содержится множество других помет Толстого, сделанных им во вступительной статье и в сказочных текстах.

Из упомянутого издания Афанасьева Толстой также черпал и другие сведения о народных русских сказках, расширяющие горизонт постижения произведений сказочного жанра. Например, писателя так привлекла оценка сказочного мотива, высказанная Н. П. Андреевым при участии М. К. Азадовского в «Комментариях» на с. 611, что он дважды подчеркнул фрагмент — в тексте и на полях: «Совершенно своеобразно эпизод рождения сына от кобылы рассказан в замечательной сказке Е. М. Кокорина (Чимы) “Иван Кобыльничков сын” (см.: М. К. Азадовский, Русская сказка, I, стр. 224—225)». Взволновавший Толстого мотив чудесного рождения от животного-тотема нашел воплощение в его собственной обработке «Иван — коровий сын». В этой сказке с некоторыми сокращениями и изменением одного предмета применена концовка, позаимствованная из тех же «Комментариев», о чем свидетельствует вертикальное отчеркивание на полях с. 613: «Подробна и эффективна концовка сказки (“На том пиру и я был, мед-вино пил <...> я надел колпак, стали в шею толкать!”)» [Афанасьев 1936—1940, т. 1].

Во втором томе Афанасьевского трехтомника (1938) имеется несколько

десятков писательских помет (в сказочных текстах, комментариях и «Содержании»), выполненных разнообразными карандашами, что свидетельствует либо о многократном обращении А. Н. Толстого к книге, либо о различной степени важности и разных предполагаемых целях использования отчеркнутых мест. Особенно интересны собственные надписи писателя, сделанные на полях сказок: «Отпил, горелой корочки поел — отвал<ился?»», «Стало ему страшно — передохнул <...>», «повернул топор, стучит...», «Искал-искал в слободе свой домишко <...> пошел на пепелище» («Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» — № 212, с. 205, 206, 207, 208); «Ради брата родного мне же чего не жалко» («Морской царь и Василиса Премудрая» — № 224, с. 267); «Обещанного назад» («Морской царь и Василиса Премудрая» — № 226, с. 278); «Старичок на» («Царевна-лягушка» — № 268, с. 411 — далее стерто).

1938 год — тот год, когда была высказана идея издания Полного свода русских народных сказок (первоначально предполагаемым объемом около 20 томов). 6 февраля 1938 г. проф. Г. А. Гукковский и А. Н. Нечаев направили писателю-депутату А. Н. Толстому пространное письмо с обоснованием необходимости такого капитального издания. В том письме указывался А. Н. Афанасьев как основатель капитального сказочного собрания: «Русские народные сказки и по объему материала и по его качеству занимают одно из первых мест в международной сокровищнице произведений словесного искусства. В ярких художественных образах русской народной сказки запечатлелся облик нашего великого народа, его подлинный дух и все многообразие окружающей социальной действительности. Собираение русской народной сказки, начавшееся еще полтора столетия лет тому назад, позволило накопить неисчерпаемые фонды текстового материала. Русская наука и литература вправе гордиться такими собраниями, как сборник А. Н. Афанасьева и ряд последующих собраний» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/1. Л. 1].

Годом ранее, в 1937 г., Толстой уже сдал в Детское государственное изда-

тельство две русские народные сказки в своей обработке — «Колобок» и «Мужик и медведь», сохранились упоминания о заключенных договорах Толстого с Детгизом — № 3637—3638 [РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 1. Ед. хр. 2554. Л. 14]. Однако эти сказки выйдут из печати лишь в 1939 г.

В связи с подготовкой сказок для Детгиза и Свода русского фольклора у Толстого появились научные консультанты — фольклористы А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова.

11 сентября 1938 г. из Ленинграда Н. В. Рыбакова написала Толстому пространное (на 6 страницах) письмо, дающее подробные разъяснения о характере подготовительной работы консультантов-фольклористов над сказками и подписанное А. Н. Нечаевым. Это был ответ на письмо с замечаниями Толстого, который заподозрил у своих консультантов излишнее пристрастие к сказочному собранию А. Н. Афанасьева. Фольклористы оправдывались перед писателем: «Во-первых, у нас создалось впечатление, может быть ошибочное, что Вы рассматриваете всю нашу работу над первой книгой как простое списывание и редактирование наспех Афанасьева. Если это так, то мы с полной ответственностью можем заявить, что Ваше впечатление ошибочно. Нами просмотрены все материалы, опубликованные в следующих сборниках: Афанасьев. Народные русские сказки <...>» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/11. Л. 1—3об.].

Показательно, что, даже пытаясь умалить роль сказочного собрания Афанасьева в подготовке фольклорных материалов для Толстого, его научные консультанты вынуждены открывать большой перечень сказочных книг-первоисточников, насчитывающий 22 пункта, трудом именно этого ученого.

Далее фольклористы объясняли насущную необходимость привлечения текстов Афанасьева: «Количество вариантов сказок о животных значительно меньше, чем сказок других видов. И сказки о животных в сборнике Афанасьева представлены наиболее полно и количественно и качественно. Многие тексты, вошедшие в первую книгу, взяты из Афанасьева не потому, что

не просматривались другие сборники, а потому что или сюжет не был представлен в другом сборнике, или он был качественно ниже Афанасьевского и меньше отвечал нормам народной сказки. Во всех случаях, когда было наоборот, тексты привлекались и из других источников (Ончуков, Карнаухова, Садовников и т. д.)» [Там же. Л. Зоб.].

Затем научные консультанты на конкретных примерах показывали роль собрания Афанасьева для сюжетов сказок о животных: «Два варианта сказки “Курочка Ряба” завтра получим от машинистки и немедленно Вам перешлем. Сказка же “Война грибов”, кроме Афанасьева, опубликована только Шейном» [Там же].

Ориентация фольклористов на собрание А. Н. Афанасьева при подготовке сказок о животных для последующей обработки не случайна. Дело в том, что сам А. Н. Афанасьев при печатании сказочных текстов редактировал их, стремясь стройно и логично изложить народные сюжеты. Естественно, уже отредактированные сказки Афанасьева было легче обработать в дальнейшем и Толстому при помощи фольклористов-консультантов. Так думали А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова. Однако, как видно из содержания приведенного выше их письма, Толстой имел иной взгляд на редактирование сказок, считая это исключительно своей прерогативой.

Тем не менее, даже после выраженного писателем недовольства фольклористы по-прежнему осмеливались посылать ему сказочные тексты, составленные ими из соединения разных вариантов, преимущественно взятых из собрания Афанасьева. Это следует из письма А. Н. Нечаева от 22.IX.38 к Толстому о подготовленном им варианте “Лисы Повитухи”: «Один из них, начинающийся словами: “Жили-были кум с кумой — волк с лисой...”, является соединением афанасьевских текстов №№ 2а; 2b; 2d; 2с (2-е изд.)» [ОР ИМЛИ. Оп. 2. Инв. № 2199/13. Л. 1].

В том же письме говорится о предварительной редакции Нечаевым сказки: «3. Сказка “По щучьему веленью” просмотрена в 11 записях. Вам присланы один афанасьевский, правленный мною вариант, а другой — из Вятских

Сказок Д. К. Зеленина — тоже правлен. Сейчас для Вас перепечатываются Зеленинский вариант в неприкосновенном виде и еще два варианта (из “Живой старины” и из “Сказок Красноярского края”)» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/13. Л. 1об.].

В выборе опубликованных первоисточников народных сказок Толстой ориентировался в первую очередь на сказочное собрание А. Н. Афанасьева не только из-за имевшихся в личной библиотеке двух разных его изданий, но и по рекомендациям своих научных консультантов. Однако А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова предупреждали Толстого о разнородности материалов, помещенных в этом авторитетном собрании: сказки опубликованы почти столетие назад, а собраны еще раньше; записи делались в разное время различными собирателями, причем подвергались литературной правке и даже обработке уже на стадии записывания; А. Н. Афанасьев тоже правил тексты, а то и реконструировал и реставрировал сюжеты, следуя логике «мифологической школы» (см.: [Толстой 1948, 332]).

В отличие от Толстого, его научные консультанты, как правило, применяли для работы одно из ранних предшествующих изданий — четырехтомник 1873 г. (хотя в 1897 г. был издан двухтомник, а в 1913—1914 гг. — пятитомник). Об этом свидетельствуют пять моментов.

Во-первых, указание А. Н. Нечаева на один из протоисточников сказки Толстого «Иван — коровий сын»: рукописная надпись на машинописной копии «Афанасьев № 77. Изд. 1873 г.» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 517. Инв. № 418/з. 6 л.].

Во-вторых, прямое обозначение первоисточника — «2-е изд.» (ср.: 1-е изд. — 1855—1863 гг., 8 вып.), — например, в указании А. Н. Нечаевым источника после текста на машинописной копии фольклорного произведения, которая была приготовлена для будущей сказки Толстого «Петух и жерновки»: «Афанасьев, 2-е изд., № 110» [Там же. Инв. № 450/в₁. 2 л.]. Или в письме А. Н. Нечаева от 22.IX.38 к писателю: «“Чудесная дудочка” просмотрена в 13-ти опубликованных и одной рукописной записи. Выбранный Вами вариант (“Жил

мужик с женою, у них было три дочери: две нарядницы, затейницы и т. д..”) перепечатан Афанасьевым в его примечаниях ко 2-му изданию, стр. 316» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/13. Л. 1об.—2]. Или в составленном А. Н. Нечаевым перечне вариантов к сказке «Колобок»: «1. Афанасьев, 2-е изд. № 16 дать вариант» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 424/б₂, 1 л.]. Или в перечне А. Н. Нечаева к «Теремку»:

«1. Афанасьев, № 43а	<u>дать вариант.</u>
2-е изд.	
2. ” № 43б	хороший вариант.
3. ” № 44с	хороший вариант»

[ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 459/в₃, 1 л.].

Указания на «2-е изд.» содержатся в перечнях вариантов к сказкам Толстого «Бобовое зернышко», «Нет козы с орехами», «Волк и козлята», «Коза-дереза», «Петушок — золотой гребешок», «Лиса и волк», «Медведь — липовая нога», «Звери в яме», «Лиса и дрозд», «Лиса и тетерев», «Лиса и петух», «Кот и лиса», «Старик и волк», «Как старуха нашла лапоть», «Зимовье зверей», «Глупый волк», «Медведь и собака», «Медведь и лиса», «Мужик и медведь», «Петух и жерновки», «Терёшечка», «Сестрица Алёнушка и братец Иванушка», «Кузьма Скоробогатый», «Гуси-лебеди», «Мальчик-с-пальчик», «По щучьему веленью», «Пооди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», «Лиса топит кувшин», «Лиса-плачечя», «Снегурушка и лиса», «Чудесная дудочка», «Солнце, месяц и ворон». В общей сложности уточнение «2-е изд.» имеют перечни вариантов к 32 из 64 опубликованных или подготовленных Толстым к печати сказок [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. №№ 408—460]. Кроме того, в архиве Толстого (ОР ИМЛИ) имеются аналогичные перечни, относящиеся к подготовительным материалам для других сказочных сюжетов, не использованных Толстым, и потому пока текстологически не изученные.

В-третьих, обращение научных консультантов к более раннему изданию (до 1936—1940 гг.) А. Н. Афанасьева подтверждает нумерация с литерами, обозначающими варианты. В боль-

шинстве своем именно такие номера сказочных текстов указаны в автографах А. Н. Нечаева и Н. В. Рыбаковой (в их письмах, перечнях вариантов для каждого сюжета). Пример — из перечня А. Н. Нечаева к сказке «Иван — коровий сын»: «Афанасьев, № 74б не русский» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 418/з]. Другой пример — из перечня А. Н. Нечаева (?) к сказке Толстого «Сивка-бурка»:

«1. Афанасьев, 105а	<2-е изд.; традици-
№ 179, 5-е изд.>	онный
2. ” 105б	<2-е изд.; слабее
№ 180, 5-е изд.>	первого
3. ” 105с	<2-е изд.; белорус-
№ 181, 5-е изд.>	ский
4. ” 106а	<2-е изд.; традици-
№ 182, 5-е изд.>	онный
5. ” 106б	<2-е изд.; повторе-
№ 183, 5-е изд.>	ние 106а
6. ” 106с	<2-е изд.; украин-
№ 184, 5-е изд.>	ский»

[ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 456/г₄].

Часто в перечнях, машинописных фольклорных копиях и письмах научных консультантов содержатся одновременно указания на 2-е издание и нумерацию с литерами. Характерный пример — письмо А. Н. Нечаева от 22.IX.38 к писателю: «У Вас имеются два варианта “Лисы Повитухи”. Один из них, начинающийся словами: “Жили-были кум с кумой — волк с лисой...”, является соединением афанасьевских текстов №№ 2а; 2б; 2д; 2с (2-е изд.)» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 2. Инв. № 2199/13. Л. 1]. Или 4 и 5 машинописные фольклорные копии к сказке «Пооди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», содержащие надписи А. Н. Нечаева наверху первых листов: «Афанасьев 122d // (2 изд.) стр. 291—296» и «Афанасьев № 123, стр. 307, подстрочник. (2 изд.)» [Там же. Инв. № 452/д₄, 7 л.; Инв. № 452/д₅, 3 л.].

В-четвертых, сверка текстов Толстого с указанными в перечне номерами (не литерными) сказок А. Н. Афанасьева подтверждает использование научными консультантами собрания — одного из изданий-предшественников 147

1936—1940 гг. Пример: «Афанасьев, № 102 традиционный, сусальный» — из перечня Н. В. Рыбаковой (или А. Н. Нечаева?) к сказке «Иван-царевич и серый волк» Толстого [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 419/в₃].

В-пятых, к началу работы Толстого и его научных консультантов над обработкой сказок вышел из печати только первый том издания 1936—1940 гг., а необходимо было держать в поле зрения все сказочное собрание А. Н. Афанасьева. Поэтому лишь в отдельных случаях научными консультантами использована новая нумерация сказок, взятая из издания 1936—1940 гг., где все тексты имеют сплошную нумерацию, без выделения вариантов. Так, только на трех фольклорных копиях с одинаковым заглавием «Курочка», предназначенных для будущей сказки Толстого «Курочка ряба», А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова последовательно обозначили наверху на первых листах авторизованной машинописи: «Афанасьев № 71 (издание 1936 г.)», «Афанасьев (изд. 1936 г.). т. I. Стр. 110 — сноска» и «Афанасьев № 70 (издание 1936 г.)» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 428/б₁. 2 л.; Инв. № 428/б₂. 1 л. АМ; Инв. № 428/б₃. 1 л.].

В комментариях к посмертным Полному собранию сочинений (1948 г.) и Собранию сочинений (1960 г.) Толстого, рассуждая о фольклорных протоисточниках сказок писателя, А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова привели сведения о текстах А. Н. Афанасьева по новой нумерации. В неопубликованной прижизненной рецензии М. К. Азадовского и А. М. Кукулевича также содержатся отсылки к изданию Афанасьева 1936—1940 гг.

Сказочное четырехтомное (1873 г.) и пятитомное (1913—1914 гг.) собрания А. Н. Афанасьева (оба посмертные) сыграли еще одну важную роль (помимо источниковедческого подспорья): они прямо ориентировали писателя и его научных консультантов на составление четырехтомника или пятитомника русских народных сказок в литературной обработке. Видимо, речь шла о негласном соревновании Толстого с

объемного и авторитетного сказочного собрания. Вероятно, поэтому Толстой (в марте 1938 г.) и особенно А. Н. Нечаев (в июле 1943 г. и в 1946 г.) склонялись к созданию четырехтомника, который был бы равен по количеству томов первому посмертному изданию сказок А. Н. Афанасьева. Мысль о пятитомнике (как в издании Афанасьева 1913—1914 гг.) постоянно звучит в автобиографии Толстого 1943 г., в первой редакции «Предисловия» (в черновом автографе, двух авторизованных машинописях и журнале «Молодая гвардия»), написанной до 17 апреля 1939 г., и в его переписке с А. Н. Нечаевым и Н. В. Рыбаковой, с Детгиздатом на протяжении марта-июля 1938 г. (см. [Самодолова 1997]).

Планка, заданная четырехтомным и пятитомным собраниями сказок А. Н. Афанасьева 1873 г. и 1913—1914 гг., оказалась настолько высока, что она не была преодолена Толстым. К тому же вышедшее в конце жизни Толстого трехтомное собрание сказок А. Н. Афанасьева 1936—1940 гг. (как и 3-е издание в 2 томах 1897 г.) показало, что и меньшее количество томов прекрасно вмещает в себя тот же огромный сказочный корпус, к тому же усиленный фрагментами сказок, впервые извлеченными из архива фольклориста и помещенными в примечаниях.

Влияние сказочного собрания А. Н. Афанасьева на сказки Толстого является определяющим: об этом свидетельствует самое большое количество взятых оттуда текстов, использованных писателем как прасюжеты в подготовительной работе. Принцип работы таков: в качестве протоисточников выбраны одна (часто главная, а иногда и единственная) или более сказок из трехтомника А. Н. Афанасьева, к ведущему тексту добавлены аналогичные произведения из других сказочных сборников.

Безусловно, Толстой не мог не обратить внимания на наличие вариантов в сказочном собрании А. Н. Афанасьева, что являлось научным достижением для своего времени (1850-х — начала 1860-х гг.). Вероятно, это (в числе других причин) повлияло на подготовку писателем двух и более редакций (рав-

нозначных фольклорным версиям) для целого ряда сказочных сюжетов, сохранившихся в архиве. Можно только предполагать, предназначал ли Толстой одновременно создаваемые им редакции для однотомного и многотомного детского издания как «параллельные тексты» (условно говоря) или задумывал их поместить в Свод русского фольклора — полный и малый.

Известен ряд помет Толстого на присланных ему машинописных фольклорных копиях. Так, готовя сказку «Лиса-лекарка» и имея единственный фольклорный протоисточник, Толстой сделал в левом верхнем углу первого листа машинописной фольклорной копии маргиналию: «Нужен варьянт» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 438/а. Л. 1]. Сказка Толстого «Лиса-лекарка» не была опубликована, но сохранилась в его архиве. И такая помета Толстого со словом «варьянт» корреспондирует с пометами «вариант», выполненными его научными консультантами на ряде фольклорных копий, присланных писателю.

Интересно, что архивариус, нумеровавший рукописи сказок Толстого, отталкивался от принципов А. Н. Афанасьева, которые были разработаны фольклористом и воплощены в его посмертных втором — четвертом переизданиях сказочного собрания. Согласно этим принципам варианты сюжета получали литерные обозначения и стояли под одним (общим) номером. Именно такая нумерация отражена в перечнях сказочных сюжетов, подготовленных научными консультантами А. Н. Нечевым и Н. В. Рыбаковой. В трехтомном издании 1936—1940 г. была проведена сплошная нумерация сказок, по которой каждый текст (даже будучи вариантом) получал свой числовой номер, уже без добавочной литеры.

Попутно возникает вопрос: не были ли причастны к архивной обработке сказок Толстого его научные консультанты при сдаче рукописей писателя и подготовительных материалов после его смерти в Отдел рукописей ИМЛИ? Они же готовили раздел русских народных сказок в обработке Толстого для первого и второго посмертных собраний

сочинений писателя. В архиве Толстого применительно к сказкам заложен принцип нумерации, аналогичный афанасьевскому: инвентарный номер (Инв. №) с числом и литерой, где буква «а» обозначает начальный текст, «б» — следующий (второй вариант или другую редакцию) и т. д., начиная с «в», «г» или «д» — подготовительные фольклорные материалы, последняя буква — перечень народных текстов на данный сюжет.

подавляющее большинство русских народных сказок в обработке Толстого создано на основе сказок Афанасьева или с привлечением каких-либо значимых фрагментов, смысловых моментов, деталей оттуда. Тексты А. Н. Афанасьева использованы при работе Толстого со следующими сказками (названия принадлежат писателю): «Репка» (Афанасьев, № 89 по изд. 1936—1940 гг.), «Курочка ряба» (№№ 70—71), «Колобок» (№ 36), «Теремок» (№ 83), «Кочеток и курочка» (№ 68), «Бобовое зернышко» (№ 69), «Нет козы с орехами» (№ 60, отброшен № 61), «Лиса и заяц» (№ 14), «Волк и козлята» (№ 53, отброшен № 54), «Петушок — золотой гребешок» (№ 37), «Лиса и волк» (№ 1), «Медведь — липовая нога» (№ 57), «Мизгирь» (№ 85, отброшен № 86), «Лиса и дрозд» (№ 30), «Лиса и рак» (№ 35), «Лиса и тетерев» (№ 31), «Лиса и петух» (№ 16, отброшен № 15), «Лиса и журавль» (№ 33), «Журавль и цапля» (№ 72), «Кот и лиса» (№№ 40—41), «Как старуха нашла лапоть» (№ 8), «О щуке зубастой» (№ 81), «Пузырь, соломинка и лапоть» (№ 87), «Кот — серый лоб, козел да баран» (№ 45, отброшены №№ 44, 46, 47), «Глупый волк» (№№ 55—56), «Овца, лиса и волк» (№ 28), «Медведь и собака» (№ 59), «Мужик и медведь» (№ 23), «Кобыля голова» (№ 99), «Петух и жерновки» (№ 188), «Терёшечка» (№№ 108 и 112), «Сестрица Аленушка и братец Иванушка» (№ 261), «Хаврошечка» (№ 100), «Кузьма Скоробогатый» (№№ 163—164), «Война грибов» (№ 90), «Гуси-лебеди» (№ 113), «Мальчик-с-пальчик» (№ 300), «Морозко» (№№ 95—96), «Чивы, чивы, чивычок...» (№ 76), «По щучьему веленью» (№ 165), «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» (№ 212), «Иван — 149

коровий сын» (№№ 136—138), «Царевна-лягушка» (№№ 267, 269), «Сивка-бурка» (№№ 179—180), «Лиса топит кувшин» (№ 72), «Лиса-плачя» (№ 5), «Снегурушка и лиса» (№ 14), «Василиса Премудрая» (№ 219), «Солнце, месяц и ворон» (№ 49), «Чудесная дудочка» (№№ 244—246), «Лиса-лекарка» (№ 5). Последние три сказки не публиковались (ОР ИМЛИ).

Еще ряд текстов А. Н. Афанасьева писатель проигнорировал (заглавия также приведены по Толстому): «Звери в яме» (отброшен № 64), «Старик и волк» (отказался от №№ 49—50), «Зимовье зверей» (не учтены №№ 29—30), «Медведь и лиса» (отброшены №№ 9—13), «Сказка о молодильных яблоках и живой воде» (отброшены №№ 171—178), «Иван-царевич и серый волк» (отброшен № 168). Всего Толстой привлек к своей работе 57 сюжетов из трехтомника А. Н. Афанасьева, не считая помещенных там вариантов сказок. Иначе говоря, 57 своих сказок (включая опубликованные посмертно и хранящиеся в архиве) Толстой создал на основе текстов А. Н. Афанасьева.

Наоборот, крайне редко писателем не привлекался трехтомник А. Н. Афанасьева для отдельных сюжетов: без него появились «Присказка» и сказки Толстого «Коза-дереза», «Байка про тетерева», «Как лиса училась летать», «Глиняный парень», «Лев, шука и человек», «Заяц Хваста» и некоторые другие.

В композиции своих двух сказочных сборников Толстой оказался самостоятелен и не пошел вслед за структурой трехтомника А. Н. Афанасьева, хотя, безусловно, отлично ее знал и ценил. Это хорошо заметно при сличении содержания (перечня сказок) обоих сказочных собраний. Предложенный Толстым порядок расположения сказок отличается также от их последовательности в «Указателе сказочных сюжетов по системе Аарне» Н. П. Андреева (Л., 1929) и от списка «Книга 1-я» А. Н. Нечаева [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 561. Инв. № 465. Л. 1—10б.]. Толстой любил объединять собственные произведения в циклы; писатель 150 и здесь организовал свою циклизацию

сказок.

Показательно, что первой публикацией русских народных сказок в обработке Толстого (без указания фамилии обработчика) с большой долей вероятности можно считать «Мальчик-с-пальчик. (Русская народная сказка)» (с рисунками П. А. Алякринского). Номер журнала «Мурзилка» (1938, № 9) с этой публикацией был сдан в набор 15 июля 1938 г. Сказка восходит к тексту А. Н. Афанасьева (только без эпизода с ворами, без упоминания Бога и «телесного низа») и напоминает авторизованную машинопись Толстого [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 441/б. 3 л.]. Возможно, Толстой намеренно представил сырой материал из своей творческой лаборатории, желая уловить реакцию маленьких читателей.

В записной книжке-ежедневнике «Табель-календарь на 1939 год» в дерматиновом переплете, с тиснением «Календарь. 1939», на листе «Январь 1939. 7-12» в графе «суббота» Толстой синими чернилами записал и частично вычеркнул: «Сказки [Афанасьева] <...> [Детиздат]» [ГЛМ. Ф. 186. Оп. 3. Ед. хр. 56. Л. 6]. Можно предполагать, что писатель зачеркнул помету для памяти потому, что выполнил намеченное дело: в частности, посетил Детиздат.

Рассмотрим наиболее яркие примеры использования Толстым сказок А. Н. Афанасьева.

Научные консультанты А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова свидетельствуют, что «в архиве сохранился план сказки, написанный рукой Толстого», и частично приводят этот план [Толстой 1948, 36]. Он написан А. Н. Толстым простым карандашом (видимо, чернильным) на клетчатом листе с оборванным верхним краем; в нижнем левом углу писатель пробовал (расписывал) чернильный карандаш. Вот текст полностью:

«Ивашка — коровий сын
варьянт 137

1) Рождение.

2) Булавы.

3) Кто будет набоший брат. Бросают палицы <вписано над строкой>. ...Основание поездки.

4) [Рукавицы] (полотенц<е>, ширинка, кровь).

- 5) Бой.
- 6) Три жены. (Колодезь, яблоня).
- 7) Кузница. Вар<иант> 135».

Внизу синими чернилами написано: «Молодцы красивые — один в одно-го, голос в голос, волос в волос. Синие кафтаны, красные пояса» [Толстой 1948, 36].

Цифры из плана Толстого свидетельствуют об обращении писателя к двум разным сказкам: Афанасьев, № 137 — «Иван Быкович» (сюжет — Андреев, 513) и Афанасьев, № 135 — «Иван Попялов» (сюжет — Андреев, 300 *В; обе сказки по изданию 1936 г., т. 1). Оба сюжета — змеборческие, совпадающие в начальной части, но различающиеся в своих продолжениях; каждая сказка имеет сложную структуру. Толстой решил объединить обе сказки — в результате получился многоходовой, контаминированный сюжет; поэтому писатель счел необходимым записать избранную им последовательность событий, чтобы не запутаться во множестве сюжетных версий и обилии конкретных мотивов и деталей.

Толстой взял за основу сказку Афанасьева, № 137: писатель указал в своем плане первые 6 пунктов из этого произведения. Из сказки Афанасьева, № 135, Толстой заимствовал последний эпизод с кузницей (пункт 7), отсутствующий в тексте № 137. Зачеркнутое писателем слово «рукавицы», имеющееся в тексте № 135, также свидетельствует о приоритете текста № 137, в котором ту же роль играет «полотенце». При таком выборе сказки-основы Толстой руководствовался в первую очередь стилистическими предпочтениями, поскольку в ряде эпизодов сюжеты обеих сказок Афанасьева совпадают; при этом текст № 135 изложен на диалекте русско-белорусско-украинского Полесья и труден для восприятия. Закономерно, что Толстой сказку Афанасьева № 135, с «кузницей», обозначил как «вар<иант>» (в пункте 7 плана): не только потому, что любой сказочный текст является вариантом. В сказке Афанасьева № 135 содержится дополнительный легендарный мотив про христианских братьев-кузнецов Кузьму и Демьяна (святых Козьму и Дамиана), отмеченный в Четьях-Ми-

неях 1 ноября (14 ноября по н. ст.). [Великие Минеи Четии 1897, 7—8].

В обеих сказках совпадают следующие пункты, отраженные в плане Толстого:

1) необычное происхождение — рождение героя от золотоперого ерша (№ 137) и двенадцатилетнее нахождение на печке в золе (№ 135);

2) булавы — «железная палка в пятьдесят пудов» (№ 137) и «куцабб у пятнадцать пудов» (т. е. дубина; № 135);

3) три сводных брата выбирают «большого брата», ударами железной палки вгоняя друг друга по колена, по грудь и по шею в землю (№ 137), и один герой трижды подбрасывает дубины, пытаясь разбить их и при этом последовательно увеличивая их вес (№ 135);

4) с полотенца стекает кровь в миску, заполняя ее до половины, полностью и даже переливаясь через край — знак того, что герою туго приходится в бою и братьям надо спешить на помощь (№ 137); и если с рукавиц потечет кровь, значит, герой просит помощи у братьев (№ 135);

5) бой трех братьев с чудом-юдом шестиглавым, девятиглавым и двенадцатиглавым (№ 137) и бой героя со змеем о трех, шести и двенадцати головах (№ 135);

6) превращение меньшей жены чудаюда в яблоню с золотыми и серебряными яблочками, средней жены — в колодезь с золотой и серебряной чашами и старшей жены — в золотую кровать (№ 137) и оборачивание дочек змея в луг с шелковыми подушками, в яблоньку с золотыми и серебряными яблочками и в «крыницу» (т. е. родник; № 135).

Сопоставление плана Толстого с текстами Афанасьева № 137 и 135 показывает, какие конкретно сказочные эпизоды писатель заимствовал из этих источников.

Однако сказка Толстого «Иван — коровий сын» основана не только на этих двух сказках Афанасьева. По наблюдению А. Н. Нечаева и Н. В. Рыбаковой, в основу писательского текста положены три варианта Афанасьева и Карнаухова № 163, которые претерпели сильную контаминацию [Толстой 1948, 151

36]. Третий текст Афанасьева — № 136 «Буря-богатырь Иван коровий сын», — не учтенный в плане Толстого, подсказал писателю заглавие сказки.

В более позднем комментарии А. Н. Нечаева указаны еще два источника: «Сказка создана на основе многих вариантов, представляет собой сложную переработку, основанную на вариантах из сборников: Афанасьев — №№ 136, 137 и 138 и Карнаухова — № 163 с заимствованиями некоторых деталей из источников в сборниках: Зеленин, «Пермские сказки» — № 9 и Садовников — № 1» [Толстой 1960, 559].

В архивном фонде Толстого имеются подготовительные материалы к сказке «Иван — коровий сын». Во-первых, перечень из 22 фольклорных вариантов сказки, включающий 5 текстов Афанасьева и составленный А. Н. Нечаевым [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 418/з. Л. 1—1 об.]. Во-вторых, четыре машинописные копии фольклорных сказок, авторизованные А. Н. Нечаевым с указанием первоисточника, в том числе сказка «Иван — кобыльников сын» из сборника «Русская сказка: В 2 т.» М. К. Азадовского (1932, т. I, № 10), не учтенная в перечне [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Инв. № 418/д. 12 л.].

Сопоставим с текстами Афанасьева те фрагменты сказки Толстого, которые восходят к ним.

Рождение трех сводных братьев Толстой заимствовал у Афанасьева, № 136: «Поварá шуку чистили да мыли, помой за окошко лили: пришла корова, ополосины выпила. Как скоро повара шуку изжарили, прибежала девка-чернавка, положила ее на блюдо, понесла к королеве, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и королева» [Афанасьев 1957, 267—268].

Толстой слегка изменил и добавил некоторые детали: «Он наградил рыбаков и приказал рыбку отнести в поварню, сварить в семи водах и подать царице. Повара рыбку вычистили, вымыли, сварили, а помой на двор выплеснули. Проходила мимо корова, помой полизала. Девка-чернавка положила рыбку на блюдо — отнести царице — да доро-

гой оторвала золотое перышко и попробовала. А царица рыбку съела. И все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и царица».

Момент чудесного рождения Толстой взял у Афанасьева, № 137, а описание братьев в сказке Толстого восходит к №№ 136—137: «<...> королева родила сына точь-в-точь как коровий — голос в голос и волос в волос. Чудные уродились мальчики! Кто растет по годам, а они растут по часам <...>» [Афанасьев 1957, 268, № 136] и «Стали ребятки расти не по дням, а по часам, как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся» [Афанасьев 1957, 278, № 137]. У Толстого стало: «Ребята уродились в одно лицо, голос в голос, волос в волос. Растут они не по дням, а по часам; как тесто на опаре поднимается, так и они растут».

Толстой воспользовался эпизодом с избушкой, который есть у Афанасьева, №№ 135—137, однако снял с нее атрибутику жилища Бабы-яги.

Начальный фрагмент речи чуда-юда Толстой тоже позаимствовал из Афанасьева, № 137, а дальнейшую его речь перенес в свою сказку из № 138: «Нет мне ни спорщика, ни наговорщика; есть разве один спорщик и наговорщик — Иван крестьянский сын, да и того ворон в пузыре костей не заносил!» Иван крестьянский сын из-под моста выскочил: «Врешь ты! Я здесь» [Афанасьев 1957, 288]. При этом Толстой преобразовал разговор чуда-юда с самим собой в его беседу с собственным конем и вороном и с Иваном — коровьим сыном. Писатель разбил реплику главного героя на две части и отнес их к разным персонажам:

« — Врешь! Нет мне во всем свете ни спорщика, ни наговорщика, есть один только Иван — коровий сын. Так его костей сюда и ворон не занашивал, не только ему самому быть.

Тут Иван — коровий сын выскочил из-под моста:

— Я здесь!»

Приведем еще концовку сказки, которая взята из Афанасьева, № 137, но удалены некоторые сатирические фрагменты антигигиенического характера. В личном экземпляре книги А. Н. Афана-

сьева Толстой подчеркнул эту концовку, процитированную в комментариях Н. П. Андреева и М. К. Азадовского (1936 г.). У Афанасьева в № 137 сказано: «На том пиру и я был, мед-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту же лоханку помочá. Я не пил, не ел, вздумал упираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!» (выделенные нами фрагменты и отдельные слова отсутствуют у Толстого, лексема «мед-вино» заменена на «мед-пиво»; первое предложение разбито на два, изменены некоторые знаки препинания, в том числе в конце поставлено многоточие).

По сопоставлению сказок Толстого с соответствующими текстами Афанасьева можно уловить разницу в осмыслении сюжетов. Рассмотрим сказку Толстого «Кочеток и курочка», восходящую к тексту Афанасьева № 68 (изд. 1936 г.) с названием «Кочет и курица», которое писатель смягчил для своего произведения, взяв его из сказочного зачина: «Жили курочка с кочетком <...>». Писатель заменил диалектные или индивидуальные особенности речи (в частности, «берегете», «раздрала» и «поросенчик») на общепонятные («бережете», «разорвала» и «поросеночек»), однако налет южнорусского говора сохранился в наименовании петушка «кочетком»: Толстому пришлось даже давать толкование этого слова в сноске.

Толстой отказался от религиозного мотива, содержащегося в сказке А. Н. Афанасьева: «Я есть захотел, мне бог повелел» (писатель закончил сказку первой половиной концовки, сместив таким образом акцент с верховной воли на самоуправство волка, присущее его натуре и в какой-то мере определяющее его жестокость). Прецедент вычеркивания финальной формулы в сказке А. Н. Афанасьева уже имелся в дореволюционной России: слова волка с мотивацией унесения поросенка были признаны вредными, как «оправдание похищения божьим велением» [Пропп 1957, 477, коммент. к № 68].

Известны две рецензии на первый том сказок Толстого (1940 г.): И. С. Эвен-

това (опубликованная) и М. К. Азадовского с А. М. Кукулевиным (неопубликованная).

Интересно сопоставить перечень печатных источников сказок, положенных А. Н. Толстым в основу сюжетов и установленных М. К. Азадовским и А. М. Кукулевиным, с аналогичным списком И. С. Эвентова. При разнице сказочных реестров в целом отдельные сказочные сборники повторяются; вообще удивительно «сказочное чутье» всех указанных критиков, что свидетельствует об оставлении А. Н. Толстым первоисточников «на поверхности».

М. К. Азадовский и А. М. Кукулевиным указали в основном тексте неопубликованной рецензии и в сносках обнаруженные сборники: «Главнейшим источником для автора явился первый том “Народных русских сказок” А. Н. Афанасьева, но наряду с ним он привлекал также и другие сборники, в частности, сборники И. В. Карнаухова, Д. Н. Садовникова и ряд других» [РГБ. Ф. 542. Оп. 1. К. 3. Ед. хр. 20. Л. 10–11]. Они оценивали общий характер правки на конкретных примерах, опять-таки сопоставляя находки Толстого с «исходником» Афанасьева: «Изменения, вносимые А. Н. Толстым в сказки, почти всегда бывают так или иначе оправданы. Он отбрасывает в сказках религиозные и обценные моменты, заменяет непонятные детям термины более понятными, как, например, в сказке “Кот и лиса”, где у него кот выступает не “бурмистром” (Афанасьев, № 40), а “воеводой” [Там же. Л. 20].

Как и М. К. Азадовский и А. М. Кукулевиным, критик И. С. Эвентов в рецензии обратил внимание на использование Толстым сказочного собрания А. Н. Афанасьева при создании целого ряда своих сказок: «Большинство других сказок — “Кузьма Скоробогатый”... “Мальчик-с-пальчик” и проч. — взяты из сборников А. Н. Афанасьева, причем текст первой сказки избавлен от ряда мелких подробностей...» [Эвентов 1941, 184].

Далее критик в рецензии (в целом положительной) привел сказку «Колобок» как неудачный пример работы 153

писателя: «Нужно заметить, однако, что стремление “менять” и “дорабатывать” сказку иногда не оправдано и не вызывается ни соображениями художественного порядка, ни потребностями читателя. Следует, например, признать не вполне удавшейся переработку широко известной сказки “Колобок”. Текст Афанасьева, нам кажется, мог быть без существенных изменений перенесен в новейшие издания сказок для детей. Отдельные стилистические поправки к тексту сказки представляются неоправданными» [Там же, 185].

И. С. Эвентов проследил методику писателя по обработке русских народных сказок: заимствование сюжета из собрания сказок Афанасьева, введение новых эпизодов из других вариантов, замена «бытовых и лексических архаизмов» и «местных бытовых выражений» более понятной читателю «общепринятой речью» и др. [Там же, 184].

А. Н. Нечаев и Н. В. Рыбакова — научные консультанты Толстого и первые комментаторы его сказок — также демонстрировали характер авторской обработки фольклорных произведений, сопоставляя тексты писателя со сказочными первоисточниками. Показательно, что пять сказок Толстого («Лиса и петух», «Петушок — золотой гребешок», «Медведь — липовая нога», «О щуке зубастой» и «Как старуха нашла лапоть») фольклористы подвергли текстологической сверке со сказками Афанасьева и лишь одну сказку («Иван-царевич и серый волк») сравнили со сказкой из сборника М. К. Азадовского [Толстой 1948, 351—352, 356, 365]. Такое соотношение фольклорных текстов отражает преобладающее обращение писателя к вариантам Афанасьева, которые удовлетворяли художественные потребности писателя при воссоздании сказок русского народа в «идеальном виде».

Итак, приведенные многочисленные данные свидетельствуют о приоритетном избрании Толстым сказочного собрания А. Н. Афанасьева для собственной работы по «реставрации» и адаптации русских народных сказок для 154 детей.

Литература

Афанасьев 1922 — *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки и легенды: в 2 т. Берлин, 1922.

Афанасьев 1936—1940 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1. М.; Л., 1936.; Т. 2. 1938; Т. 3. 1940.

Афанасьев 1957 — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1957.

Великие Минеи Четию 1897 — Великие Минеи Четию, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Ноябрь. Дни 1—12. СПб., 1897.

Воспоминания 1982 — Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1982.

Крестинский 1960 — *Крестинский Ю. А.* А. Н. Толстой: Жизнь и творчество (Краткий очерк). М., 1960.

На путях к новой школе 1924 — На путях к новой школе. 1924. № 1.

Пропп 1957 — *Пропп В. Я.* Примечания // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. М., 1957. Т. 1.

Самоделова 1997 — *Самоделова Е. А.* О неопубликованных вариантах русских народных сказок в обработке А. Н. Толстого: Текстологические заметки // Филологические записки. Воронеж, 1997. Вып. 9. С. 222—229.

Самоделова 1997а — *Самоделова Е. А.* Предыстория творческой обработки А. Н. Толстым русских народных сказок // Филологические науки. М., 1997. № 1. С. 35—44.

Толстой 1948 — *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1948. Т. 12.

Толстой 1960 — *Толстой А. Н.* Собр. соч. в 10 т. М., 1960. Т. 8.

Эвентов 1941 — *Эвентов И. С.* Рец: Алексей Толстой. «Русские сказки», т. 1. М.: Детгиздат, 1940 // Звезда. Л., 1941. № 3. С. 184—185.

Архивные источники

ГЛМ — Государственный литературный музей

ОР ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы РАН

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 542. Оп. 1. К. 3. Ед. хр. 20.

Summary. This article is about consideration of A. N. Tolstoy to fairy-tale collection by A. N. Afanasjev for writing of own tales that were created on the standard of folklor tales. Tolstoy took topics and titles from Afanasjev collection, borrowed characters and their actions.

Key word: A. N. Tolstoy, A. N. Afanasjev, textology, fairy-tales.